

3. Фрейд З. Достоевский и отцеубийство. http://www.krotov.info/lib__sec/21__f/ire/ireud_08.html.

4. Юнг К.Г. Отношения между Я и бессознательным / Психология бессознательного. М.: Канон+, 2003.

5. Губанов Н.И. О гносеологическом статусе малоизученных феноменов чувственного отражения // Философские науки. 1986. № 2.

*Алексей Геннадьевич ИВАНОВ —
доцент кафедры философии
Тюменского государственного университета,
кандидат философских наук
decartus@rambler.ru*

УДК 130.122:165.24:159.954

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ В ИССЛЕДОВАНИЕ КОНЦЕПТА ВООБРАЖЕНИЯ

METHODOLOGICAL INTRODUCTION TO THE RESEARCH OF IMAGINATION CONCEPT

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена рассмотрению методологических основ исследования воображения «самого по себе» как концепта воображения.

SUMMARY. The article is devoted to the consideration of methodological bases for the research of «by itself» imagination as a concept of imagination.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Воображение, концепт, культура, образ, диалог.

KEY WORDS. Imagination, concept, culture, image, dialogue.

Что есть воображение? Ответ на этот вопрос кажется самоочевидным, ведь каждый знает что значит воображать и умеет отличать воображаемое от реального. Ну а если хочется блеснуть знаниями, то можно обратиться к толковому словарю и процитировать строго выверенное определение. Но так дело обстоит скорее только на словах, чем в действительности.

Субъективно, и это может быть обнаружено рефлексией, воображение присутствует в различных психических актах, как спонтанных так и осознанных, причем к воображению в обыденном смысле слова среди них будут относиться очень немногие. Причем неясна и степень присутствия воображения в них, например — одно и то же «воображение» присутствует в таких актах как «мечтать» и «планировать»? Замечу, что онтологический статус мечты и плана может и не иметь отношения к воображению «самому по себе». В полном смысле слова «воображением» будет только «чистая фантазия», которая, однако, является не более чем фантомом, так как существует только в момент своего осуществления и немедленно теряет свою «чистоту» в момент ее фиксации посредством рефлексии, превращаясь в такой объект как «воображаемый предметный акт».

Объективно воображение обнаруживается (в виде своего следа или отпечатка) в различных видах человеческой деятельности, причем далеко не ограничивающихся сферой вымысла. И вообще нет ни одного обнаруживаемого явления, которое не было бы в той или иной сфере затронуто воображением. Моим или чьим-то еще. Мне могут возразить, что даже если сфера культуры создана с помощью воображения, то физическая реальность никем не придумана.

мана, однако когда я вижу солнце, то я не могу воспринимать его отдельно от понятия «солнца» и образа «солнца», которые все же кем-то были созданы (а мной восприняты) не без участия воображения.

Всеобщность искомого феномена затрудняет определение предметной области, в которой должно и может быть обнаружено воображение. Ведь строго говоря ухватить воображение «само по себе» практически невозможно (как и восприятие само по себе, разумеется), так как любой акт воображения всегда есть воображение чего-то, воображение воображаемого, которое только косвенно позволяет понять тот акт, который его порождает. Если бы существовало некое «чистое воображаемое» «само по себе», то осталось бы только описать его детальнейшим образом и получить ключ к воображению. Но такого чистого воображаемого нет.

И вместе с тем, помимо вопроса что есть воображение «само по себе»?, возникает вопрос: почему нас это интересует? Почему проблема воображения, некогда самопонятная и маргинальная, вдруг выходит на один из первых планов в философском, социальном и гуманитарном знании? Учитывая, что вопрос о воображении обретает свою значимость только в том контексте, в каком он задается, имеет смысл задать вопрос о контексте — почему нас вообще может интересовать воображение «само по себе»? Вопрос этот, безусловно, связан с онтологией. Само усложнение онтологической проблематики в XX в., приведшее к включению в поле зрения этой ключевой философской дисциплины человеческую субъективность и мир культуры как интерсубъективную реальность, привели и к появлению онтологии воображения и воображаемого. Естественно, здесь мы обнаруживаем стремление связать воображение с системой уже существующих онтологических категорий «бытия», «небытия», «ничто», «сущего» и прочих.

Строго говоря мы пытаемся понять воображение затем, чтобы понять самих себя как действующих с его помощью. Так, М.С. Каган отмечает, что в настоящее время «включение культуры в сферу онтологического умознания делает необходимым придание воображению статуса *онтологической категории*, ибо «продуктивное воображение» (И. Кант) является той творческой силой, которая превращает *реальное бытие в идеальное небытие*, для того чтобы это последнее, воплотившись, вернуло себе реально-бытийный статус» [1; 71-72]. С этой мыслью можно согласиться, ведь если онтология желает иметь дело с культурой, да и вообще с миром человека, а не только с некоей «объективной реальностью», то необходимы определенные инструменты, соразмерные реальности, в которую вписано человеческое действие и переживание. Естественно, что одним из этих инструментов «человекомерной онтологии» должна стать категория воображения. Однако, для того, чтобы этот инструмент правильно заработал необходимо осмысление воображения именно в онтологическом ключе, для чего, в частности, необходима конкретизация вопросов. Исследователь онтологии воображаемого Ю.М. Романенко выделял следующие онтологические вопросы: как соотносятся бытие и воображаемое; как возможно бытие воображаемого, а значит, воображение бытия; кто и как, в конце концов, вносит порядок во внутренний хаос воображаемой сферы? [2]. В нашу задачу не входит поиск ответа на них, следует отметить только, что в области онтологии поиск ведется и навряд ли когда-то будет завершен, учитывая что воображение всегда будет требовать новой онтологии самого себя в зависимости от того, что именно мы воображаем, зачем и в каких условиях.

Здесь, однако, и возникает вопрос: само вписывание в некие онтологические конструкции не изымает ли воображение из своего существенного и собственного? И не прекращает ли оно быть «самим собой», превращаясь во «что-то для» целей и нужд самого спрашивающего? Возможно, что избежать этого можно следуя методологическому указанию: «метод изучения воображаемого «объекта» должен быть имманентен ему, не внося в него ничего гетерогенного. Иначе говоря, речь идет о методе самого воображения, определяющем его «правильные формы»» [3; 36]. Воображение адекватно понимается только самим воображением. Вот как это возможно в рамках философского схватывания и составляет суть методологической проблемы исследования воображения и воображаемого в многообразии его проявлений. И мне представляется, что этот метод не может сводиться только к наблюдению за искусственно вызываемыми в сознании актами воображения с последующим детальным их описанием. Здесь воображение начинает очень близко напоминать просто рефлексивный акт, чего хотелось бы избежать, оставив воображение самим собой. Если, грубо говоря, воображение должно быть воображено, то его исследование должно быть более сходно с игрой, варьированием и конструированием, нежели с рефлексией и описанием.

Начнем с простого. Воображение так или иначе имеет дело с образами. Относительно образа хотелось бы сделать два замечания. Первое заключается в том, что образ совсем не обязательно есть что-то чувственное или «квази-чувственное». Некую условную «фотографию» забытой или предвидимой реальности, возникающую в сознании, образом считать еще нельзя. С некоторой долей условности образ может быть признан чем-то проточувственным, тем, что априори подготавливает нас к возможности «узреть» уже и нечто конкретно чувственное. Второе замечание касается определения образа как формы для многообразного чувственного содержания. Образ — это не что иное как форма. Вспомним, что категория формы Аристотеля выражала следующие смыслы: во-первых, форма есть граница некоей материи, ее нематериальный «облик», благодаря которому какая-то часть материи становится индивидом, отличаясь от всего прочего; во-вторых, форма есть внутренняя структура вещи, ее сущность, то, благодаря чему вещь есть то, что она есть; в-третьих, форма есть то, что познаваемо в вещи. Образ как форма есть и внутренний, и внешний порядок для некоего чувственного содержимого, которое, держась в образе, и проясняет его и проясняется им, обретая себя через него. Красная краска, например, становится по-настоящему красной только тогда, когда становится кровью в художественном образе. Этот порядок может быть и мыслим, причем даже и отдельно от своего чувственного содержания. Во-образать — это значит приводить многообразие воспринятого, воспомненного, пережитого в «образ», в единство — соединять. И вместе с тем, соединение в образе не имеет ничего общего ни с «обобщением», ни с гегелевско-марксистским «синтезом», скорее в образе происходит то «схватывание», которое Абельяр называл концептом (*conceptio*). Не хотелось бы утверждать, что образ и концепт суть одно, чтобы не заниматься бессмысленными терминологическими уточнениями, но важно указать, что и там, и там происходит вмещение многого в одно, причем как эмоционально, так и рационально, то есть пускай они может и не одно по сути, но они одно по производимому действию. Образ-концепт может соединять многое в одно чувство, сохраняя его, так и многое в одну мысль, заставляя ее продолжаться, создавая одно и то же — некую длительность постоянства, создавая устойчивое время. Тем самым мы приходим к выводу, что методом

адекватного постижения воображения является само воображение как деятельность по сотворению концептов, живых тел, сложенных из смыслов, значений, эмоций и переживаний. То есть воображение само по себе постигается в процессе сложения и создания концепта воображения.

Необходимо сделать ряд пояснений, касающихся концепта как формы мысли для того, чтобы яснее стала и задача концептуализации воображения.

Как отмечает С.С. Неретина, концепт не тождественен понятию, «концепт — это собрание (почти собор) понятий, замкнутых в воспринимающей речь душе» [4; 141]. Исходя из этого, приходим к мысли, что концепт воображения должен соединять воедино множество понятий воображения. А.А. Григорьев в своей диссертации, посвященной концепту, обращал внимание на то, что в концепте собираются не понятия, но концепты же: «концепт по своей структуре и функции распадается на ряд взаимосвязанных составляющих, которые тоже являются концептами» [5; 13]. С этим можно согласиться, так как только в этом случае мы будем иметь дело действительно с собранием, где каждый «участник» есть равнозначная фигура. Получается, что так или иначе, все представители собрания задействованы в самом слове «воображение», которое из термина становится местом переплетения разных историй, которые рассказываются представителями о самих себе и о своем взаимодействии с другими. Вот некая совокупность этих историй, когда каждая из них истинна в каком-то конкретном сочетании, и есть «концепт воображения». Здесь нет возможности встретить обобщенное «воображение». Поскольку «воображение» не может встретиться здесь как нечто конкретное, то единство концепта, которое все же имеется, из сущности становится неопределенной предпосылкой, ожиданием единства, герменевтическим предчувствием смысла, то есть совокупность, о которой идет речь не актуальна, но потенциальна.

На каком основании соединяются концепты в концепте? Где фундамент собрания? Учитывая, что концепт осуществляется «в пространстве человеческой души с ее ритмами, энергией, внутренней жестикующей, интонацией» [4; 141], следует основание для «собора» искать в самом себе, в своей душе. Я сам как субъект концепта есть основание. Именно меня по каким-то причинам интересует этот вопрос и ответ будет именно моим. Концепт взятый только «изнутри» есть своеобразная «внутренняя речь», способная актуализировать неопределенное предчувствие смысла. Однако концепт также «предполагает при своем формировании другого субъекта» [4; 141], того кто способен понять. Следовательно, необходимо учитывать и то, что воображение почему-то может быть значимо и кому-то еще, кто современен мне в этом исследовании. Но современность диалогична, в силу чего неизбежно диалогичен и концепт воображения. Медиатором современности является ситуация, в которой мы находим себя, а ее фоном выступает культура. Таким образом, участников собрания мы должны приглашать все же не произвольно, а учитывая их вес и значение в культуре, и формируемая ими «внутренняя речь» будет интериоризированным диалогом культуры.

Действительный концепт, как он представлен в душе, является формой, то есть порядком, и благодаря этому мы вообще способны хоть что-то понимать. Образно говоря, участники собора уже о чем-то договорились и их коллективное мнение определяет мой смысл. Но концепт выстраиваемый специально, конструируемый и создаваемый, концепт воображенный должен быть специально приведен к «ризоматичности», из которой вновь следует выстроить некий порядок. Это ведь и есть воображение: дезорганизация концепта и выстраивание

порядка вновь. Представители должны высказаться заново. В каком порядке? Представляется, что они должны рассказать свою историю — значит в хронологическом. Однако выстраивание концепта — это не историография проблемы воображения, хотя бы потому, что в данном случае вместе с «воображением» выстраиваться будет и сама «история», как история общества и культуры, в которой произошли некие изменения, сделавшие возможным то, что проблема воображения стала здесь и сейчас для кого-то значимой.

Итак, мы рассматриваем концепт воображения как место «диалога» различных пониманий воображения, как они представлены в культуре и осмыслены в научной и философской традициях и актуализированы здесь и сейчас, в моей собственной жизни и мысли, и в мысли моих современников. Конструирование концепта все же должно подчиняться неким правилам и поэтому имеет смысл вписать концепт в общую линию развития культуры, детерминированную в Новое время логикой построения «человекообразного мира». Человек пытается «покорить» мир, развернуть себя до его видимой границы, слиться с ней в познавательном, практическом и социальном измерениях и цель этого движения парадоксальна, так как она должна быть и достижимой, и одновременно недостижимой. Можно сказать, что воображение в своей истории отражает эту логику экспансии, доходящей до своего предела, переходящей в свертывание и рассеивание в обратном движении.

Подведем предварительный итог методологического разбора, предпринятого в статье. Нужно рассмотреть историю становления воображения, начиная с появления его на одном из центральных мест в кантовских «Критиках», проследить его связь с социальными и культурными процессами, несущими на себе отпечаток той же логики экспансии, довести историю до современности, показав, что история только и возможна не как «история воображения вообще», но только как история того «сейчас», что для нас актуально, и, вместе с тем, необходимо, чтобы историческая форма концепта, неизбежно линейная, не подавила собой диалогическое, нелинейное его содержание, выражающееся в постоянном возобновлении разговора внутри концепта. Цель эта не проста, и многое еще неясно в предстоящем замысле исследования, но тем не менее, если кто-то все же желает говорить о воображении, невзирая на все, что о нем уже сказано, двигаться к достижению этой цели имеет смысл.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Каган М.С. Воображение как онтологическая категория // Виртуальное пространство культуры. М-лы науч. конф. 11-13 апреля 2000 г. СПб., 2000. С. 71-74.
2. Романенко Ю.М. К вопросу об онтологии воображаемого // Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002.
3. Романенко Ю.М. О методах исследования воображения в современной философии // Философские и духовные проблемы науки и общества. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 36-38.
4. Неретина С.С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абельяра. М.: ГНОЗИС, 1994. 216 с.
5. Григорьев А.А. Культурологический смысл концепта. Автореф. дис. ... канд. филос. н. М., 2003. 26 с.